

*Пусть тот, кто ищет, не перестает
искать до тех пор, пока не найдет,
и, когда он найдет, он будет потрясен,
и, если он потрясен, он будет удивлен,
и он будет царствовать над всем.*

Евангелие от Фомы

ЧАСТЬ 1

ПОТРЯСЕНИЯ

1

В тот обычный июньский день, перед обедом, я ждала звонка Кира, а позвонила Ольга Марковна, моя мать:

— Я должна тебе кое-что сообщить.

Здесь она сделала паузу, а я подумала: «Значит, все-таки не выдержала».

У нас с матерью не было отношений уже шестнадцать лет. Она сама их разорвала. Разорвала после того, как я нашла своего отца, которого она ненавидела. Узнав об этом, она сказала мне, что я ей больше не дочь, и потребовала, чтобы я называла ее по имени-отчеству: Ольга Марковна. Да и вообще, начала жить отдельно, раз я хочу все делать по-своему. После того, что она мне тогда наговорила, я и сама не хотела называть ее мамой. И не хотела оставаться с ней жить.

Исчезнувшая сестра

В раннем детстве я любила свою мать. Еще больше — своего отца. Но когда Ольга Марковна выгнала папу из дома, я любить ее больше не могла. А она меня, как я подозревала, вообще никогда не любила. После нашей ссоры из-за отца я в это окончательно поверила. Когда я ей в тот вечер заявила, что она меня больше не увидит, Ольга Марковна только рассмеялась. Я собрала свои вещи и ушла от нее навсегда. С тех пор я жила с убеждением, что моя мать, кроме себя, всегда любила только одного человека — свою дочь Элеонору, мою младшую сестру. Они до сих пор жили вместе.

То, что Ольге Марковне вдруг потребовалось мне «кое-что сообщить», я сочла хитростью. Если бы действительно была какая-то семейная новость, которую мне надо было знать, мне позвонила бы Эля.

Элеонору я после разрыва с матерью тоже больше не видела. Встречаться со мной Ольга Марковна ей тогда запретила, но мы переговаривались за ее спиной все эти годы по телефону. Так что я почувствовала в «кое-что» Ольги Марковны сладковатый дымок трубки мира и сжалась от мысли, что мать намеревается мне ее протянуть. Так просто взять от нее трубку мира я была не готова.

— Кое-что? — переспросила я холодно, защищаясь от манипуляций, к которым Ольга Марковна всегда была склонна в отношениях со мной. Конечно же, будь это кто-то другой, я сочла бы такое начало разговора нормальным, но это была Ольга Марковна.

— Эля пропала, — сказала она.

Поскольку это прозвучало бесстрастно, смысл услышанного не сразу дошел до меня. Такой бесстрастной, да еще в подобных обстоятельствах, я свою мать не помнила. Откуда мне было знать, что это результат транквилизаторов, на которых она жила последнее время.

А между тем Ольга Марковна продолжала тем же тоном: — Эля уехала отдыхать в Сочи и не вернулась. От нее нет никаких известий... Уж полтора месяца прошло... С ней что-то случилось... Сочи — криминальный город. Я уже ходила в полицию...

— Зачем сразу думать о криминале?! — вылетело из меня.

Откуда именно вылетают слова, если их еще не было в голове?

В следующий момент я услышала в трубке короткие гудки.

Итак, я сначала разозлилась. Конечно, это было грубо, недостойно, бесчеловечно, и, надо сказать, я сразу же раскаялась. Но что было делать? Набрать телефон матери, извиниться, расспросить о подробностях? Так я не могла. Я не чудовище, но я и правда не могла позвонить Ольге Марковне и поговорить с ней по-человечески. Наш разговор продлился пару минут, и за это время я должна была осмыслить два неожиданных события: звонок не желавшей меня знать матери и невозвращение из отпуска моей недотепы-сестры. У меня это не получалось. У меня вообще не было никаких мыслей в ту минуту, когда моя мать еще была на проводе. Были только чувства, и такая однополярность усугубилась, когда она повесила трубку.

Новость, которую я услышала от Ольги Марковны, дошла до меня полностью лишь спустя несколько минут, когда Валя, с которой я работала в одной комнате, спросила:

— Маша, что случилось? Или ты меня не слышишь?

Я и в самом деле только тут заметила, что Валя со мной говорила.

— Мать позвонила, — сказала я ей.

— Что она сказала?

Валя теряла терпение. Она знала, что я не общаюсь с матерью, но вряд ли догадывалась, как все серьезно. Одно

дело — какое-то время не разговаривать друг с другом из-за очередной ссоры, другое — разрыв отношений из-за серьезного конфликта, как это было у нас с Ольгой Марковной. И тут вдруг — ее звонок спустя шестнадцать лет.

— Сказала, что Эля пропала.

О том, что у меня есть сестра Эля, Валя тоже знала. Элеонора чаще всего звонила мне на работу, и иногда в мое отсутствие что-то передавала мне через Валю.

— В каком смысле — пропала? — Валя была вся внимание.

— Вроде бы в прямом. Мать уже обращалась в полицию.

— И давно она пропала?

— Месяца полтора назад.

— Долго-то как, — тихо, почти шепотом, по-бабьи произнесла Валя и сморщилась.

Вот в этот момент у меня снова заработала голова. Сморщенное, подурневшее Валино лицо остановило поднимающийся во мне эмоциональный вихрь и запустило в ход мой рассудок. И он, мой рассудок, уловил главное: с Элей могла случиться беда. О ней, а не о матери следовало сейчас думать.

Я взяла свой мобильник, нашла номер Элеоноры и позвонила ей. Прозвучало: «Этот номер не существует».

— Как это произошло? При каких обстоятельствах? — допытывалась Валя.

Это я и сама хотела бы знать. Я вскочила со стула, взяла свою сумку и пошла к выходу.

— Ты куда? — спросила Валя.

— Обедать.

2

Я бы хотела, чтобы наша семья была дружной. Но такой она никогда не была. Наверное, это одна из причин, по которой я с детства была нелюдистой. Не главная причина,

ведь Элеонора как раз всегда была общительной. Но в том, что раздоры в нашей семье повлияли на мой характер, я не сомневалась. Как и в том, что мать любила только свою дочурку Эльку. В детстве я видела прямое доказательство этого в выборе наших имен: мне она дала простое имя, а моей младшей сестре — «красивое». Позже я нашла объяснение нелюбви матери ко мне: я похожа на папу. Эля же похожа на нее. К счастью, только внешне.

Моя мать была убеждена, что ее жизнь не удалась. Не удалась как раз из-за мужа. Дети войны, родившиеся в самом ее начале, мои родители могли бы добиться многого на послевоенном малолюдье. Тем более что их юность пришлось на «оттепель», наступившую после смерти Сталина. Впрочем, в понятиях матери добиваться всего и возможного, и невозможного должен был ее муж. Она соединила с ним свою жизнь в расчете, что у него это получится. И просчиталась.

Отец не сделал сверкающую карьеру на автозаводе ЗИЛ, куда поступил после института. Правда, он там добрался в быстром темпе по служебной лестнице до начальника цеха. Но произошла серьезная авария, и папа был сброшен с этой высоты. Несправедливо сброшен, как крайний. Тут у него обнаружилась слабина, не совместимая с карьерным ростом: он не смог принять подлость вышестоящих за должное.

Человек, столь наивно верящий в справедливость, как мой отец, рано или поздно сломается. Папа сломался рано. Он запил и превратился в заурядного алкаша. Мать не могла ему этого простить. А потому не могла его поддержать. Да и думала ли она о том, что своего избранника надо уметь и поддерживать? Вряд ли. Она просто выгнала отца из дома. В тот же год, когда его сломала несправедливость, и выгнала. Мне было восемь лет, а Эле пять.

Мы с сестрой и отец стали жить в удаленных друг от друга мирах, между которыми отсутствовало сообщение. В доме даже не было его фотографий. Раз я спросила мать, где они. Она сказала, что выбросила их. Но это оказалось враньем. Потом я случайно нашла тайник Ольги Марковны. Кроме всего прочего там обнаружили наши семейные карточки, на которых мы были все четверо, и несколько писем отца, посланных ей после разрыва. На конвертах был обратный адрес. В тот же день я отправилась к отцу.

Мне уже было двадцать три года, и я давно знала, что время и жизненные обстоятельства могут сильно менять людей. Но к превращению моего отца, каким он был на фотографиях, в старика, открывшего мне дверь в свою комнату, я была совершенно не готова.

Ему тогда не было и шестидесяти, а выглядел он за семьдесят. Эти его огромные глаза... Тела у него убавилось, а глаз — прибавилось. Из них потекли слезы, когда он увидел меня.

Мне всегда не нравилось равнодушие моей матери к тому, что стало с отцом ее детей. Она больше не желала признавать его в этом качестве и требовала того же от всех, и прежде всего — от нас с сестрой. Это требование было абсолютным, а его игнорирование автоматически становилось предательством. Кстати, еще вопрос, сломало ли папу его увольнение или лишь надломило. Может быть, из-за увольнения он только надломился, а сломался, когда мать прогнала его и запретила показываться на глаза своим детям. Так я стала думать, когда выросла.

Я решила скрыть от матери встречу с отцом, но не смогла. Когда же она узнала, что я его разыскала, да еще обнаружилось, откуда у меня его адрес, она отказалась от меня так же безжалостно, как и от него.

А хотя что такого произошло, если посмотреть со стороны? Обнаружилась несовместимость взглядов на жизнь дочери и матери. В результате дочь ушла из дома и стала жить своей жизнью. Давно было пора. Дочь уже стала совершеннолетней. Да и с ее гонором ей было даже как-то неприлично все еще жить с мамой. Так что, по логике вещей, все было в порядке.

Но у вещей одна логика, а у чувств — другая. Звонок матери как таковой был и оставался для меня оглушительнее, чем новость о сестре, и потому по дороге к Ольге Марковне я думала о ней, а не об Элеоноре. А точнее, о моих детско-юношеских обидах, связанных с моей родительницей, которые растревожил наш с ней разговор. Исчезновение моей младшей сестры могло в тот момент означать все что угодно. Да, с Элей могла случиться беда, но ведь не обязательно. А может быть, я просто была заиклена на себе до такой степени, что оказалась не в состоянии адекватно воспринимать события, касавшиеся сестры.

Но это то, что приходит мне в голову только теперь. А тогда, перескакивая с матери на меня и обратно, мои мысли были далеки от подобного самоанализа. Для этого требовалось отстраниться от собственного «я», но такого навыка я не приобрела.

Кроме собственного «я», у меня ничего и не было. Я этим своим «я» особенно дорожила как раз из-за разорванных отношений с матерью. Оказавшись предоставленной самой себе и не получая ни от кого поддержки, я стала неплохой амазонкой. Все только сама. Выбор такого жизненного принципа наделил меня уверенностью, что у меня никогда не будет ни причины, ни желания думать, наподобие моей матери, что кто-то загубил мою жизнь. Свою жизнь я делала сама. И у меня это неплохо получалось.

Если же я вспоминала об Эле, то это были вздохи типа «ну когда же эта канарейка наконец поумнеет». Канарейка — это потому что Элеонора пела в ресторанах, такой она выбрала себе род занятий. И еще моя младшая сестра была дурехой. К ней часто клеились странные типы, и она не считала нужным быть с ними осторожной.

3

Дом на Комсомольском проспекте, который я знала лучше, чем свой теперешний, показался мне посеревшим. Двери подъездов были прежде темно-коричневые, сейчас — цвета кофе с молоком, и такая мелочь, как ни странно, вызвала у меня не пропорциональное ей чувство отчуждения.

Я не стала звонить в домофон нужного мне подъезда, а дождалась, пока из него выйдет кто-то из жильцов. Вышла юная мать с малышом, которого она держала за ручку. Я придержала для нее дверь, а потом вошла в подъезд.

Дверь квартиры на шестом этаже, от которой у меня когда-то был свой ключ, стала неузнаваемой. Черная дерматиновая обивка, два замка, кнопка звонка — все это было новое. Я позвонила. Ольга Марковна увидела меня через глазок и открыла дверь.

— Проходи, — сказала она мне и посторонилась.

Я споткнулась о порог. Я забыла о его существовании, увидев перед собой незнакомую мне женщину: Ольга Марковна была яркой, эта же — выцветшей. Если только что моя тревога за Элю лишь попискивала, то теперь, увидев нашу с ней мать, она зазвучала, как пожарная сирена. Тусклые глаза Ольги Марковны, ее бурое лицо, ее неряшливость были сигналами другого порядка, чем крики и плачи в прежних драмах.

И еще она оказалась ниже меня ростом, даже когда я сняла в прихожей свои туфли на каблуках, и это потрясло меня больше, чем ее лицо. Объективный наблюдатель соединил бы изменение роста с согнутой спиной, втянутой в плечи шеей и опущенной головой, но объективной я не была, когда следовала за своей матерью в комнату, служившую гостиной. Мы сели на диван, каждая из нас с краю, и Ольга Марковна, не дожидаясь моих расспросов, заговорила:

— Эля уехала в Сочи на месяц. Месяц уже прошел, а она не дает о себе знать. Она попала в какую-то историю...

Тут Ольга Марковна запнулась, помолчала и снова сказала:

— Сочи — очень криминальный город.

— Эля уехала туда одна?

— Нет. С каким-то другом.

— Что за друг?

— Я его не знаю.

— И не знаешь, как его зовут?

— Последнее время ей звонил какой-то Вадим. Может быть, она поехала с ним. А может, и с кем-то еще...

Отпуск в Сочи... Меня обдало кисловатым дуновением прошлого. Бывало, отправив нас с Элькой в летний лагерь, Ольга Марковна ехала в отпуск на Черное море, и чаще всего — в Сочи. И вот теперь туда двинула Элеонора. Тоже в отпуск. Я не помнила, чтобы Элеонора мне что-то когда-то говорила о своих отпусках. И о своей любви к Сочи.

Сама бы я никогда не поехала в Сочи. Да еще на месяц. Курортный город, полный слоняющихся людей, жара, гомон, потные тела — стоило мне только об этом подумать, как становилось тошно. Хотя, впрочем, почему потные тела? Сейчас начало июня, значит, Элеонора уехала в Сочи в апреле, жары там еще не должно быть.

Исчезнувшая сестра

— Почему Сочи? Что там делать целый месяц весной? — спросила я Ольгу Марковну.

— Да ничего не делать. Отдыхать. Я же сказала, она поехала в Сочи в отпуск, отдыхать.

Неужели моей сестрице-певице в этот раз не хватило заработков на что-то поинтереснее? Банальность отпуска в Сочи меня озадачивала.

Ольга Марковна на меня не смотрела и продолжала держаться со мной как с посторонней. Все выглядело так, будто она по обязанности вводила меня в курс дела, касающегося моей сестры. И я тоже стала вести себя по-деловому: ничего личного не спрашивала, интересовалась только фактами. И выяснилось следующее.

Элеонора перед этим своим отпуском стала вдруг целыми днями где-то пропадать. Мать пыталась узнать, что с ней происходит, но сестра отказывалась давать ей объяснения. Это тоже было для нее необычно: она привыкла с детства делиться с матерью. Ольга Марковна стала думать, что у Эли кто-то появился. Это мог быть тот самый Вадим. Мать знала о нем, поскольку он два раза звонил в отсутствие Элеоноры ей домой и просил Ольгу Марковну передать дочери, чтобы она ему перезвонила.

— А почему этот Вадим звонил Эле домой? Почему не на мобильник?

— Мобильник она последнее время часто отключала.

Я от неожиданности хмыкнула — неужели моя сестренка взяла пример с меня? Я этот аппарат не жаловала, и Элеонора об этом знала. Потому и звонила мне чаще на работу в мои присутственные дни, чем на мобильник. Я попыталась вспомнить, когда это было в последний раз, и не смогла. Похоже, что это было давно, где-то месяца два назад.

— С чего это вдруг она стала часто отключать свой мобильник? — спросила я.

— Не хотела постоянно находиться под излучением, — был ответ.

Я оторопела.

— Под каким излучением?

— Как под каким? Под излучением от мобильного. Об этом и в газетах пишут, и по телевизору говорят. От мобильных исходит нехорошее излучение ...

Тут мать поджала губы и посмотрела куда-то вверх, что всегда означало: как можно такого не знать? Я же почувствовала что-то нехорошее в страхе Элеоноры перед излучением от мобильного, но отмахнулась от этого чувства и стала выстраивать факты в ряд.

20 апреля сестра объявила матери, что уезжает на следующий день в Сочи. Уезжает на месяц, чтобы от всего отдохнуть. Мать стала расспрашивать, с кем она едет, где собирается остановиться и тому подобное. Эля сказала, что едет с другом и что они найдут жилье на месте. В апреле это еще не сложно. Когда Ольга Марковна поинтересовалась, что это за друг, Эля ей нагрубила, и разговор закончился ссорой. Ссора была крупногабаритной.

— Эля кричала на меня, оскорбляла. Она уехала, даже не попытавшись помириться со мной, — все с той же монотонностью продолжала рассказывать Ольга Марковна. Я не могла себе представить свою младшую сестру фурией и отнеслась к словам матери сдержанно. Она всегда преувеличивала.

Что же получалось? Элеонора матери из Сочи не звонила. Это можно было понять: они поссорились. Конечно, не звонить целый месяц — это чересчур, но на то могли быть свои причины.

Ольга Марковна не поддавалась тревоге за дочь, пока шел ее отпуск. Она, говоря ее словами, выдерживала характер и ничего не предпринимала. Но когда отпуск Элеоноры по идее должен был уже кончиться, а она не появилась,

Исчезнувшая сестра

Ольге Марковне стало не по себе. Она обзвонила все больницы и морги города Сочи. Там об Эле не слышали. Потом она позвонила Элиным знакомым, чьи телефоны ей были известны. Никто не сказал ей о дочери ничего вразумительного. Правда, дозвониться до Феди Ольге Марковне не удалось до сих пор. Федя был партнером моей сестры в ее выступлениях в ресторанах.

— А его мобильного номера у тебя нет? — спросила я.

— Только домашний.

— Может быть, Эля поехала в Сочи с Федей? — предположила я.

Тут мать впервые задержала на мне взгляд. У нее в глазах читалось недоумение.

— О чем ты говоришь?! С этим сморчком? — воскликнула она раздраженно.

Эля и Федя когда-то входили в некогда популярную группу «Мы». Он был гитаристом, она певицей. Когда «Мы» перестала существовать, они стали дуэтом «Оказия».

— Сморчок не сморчок, какая разница? Она с Федей уже столько времени вместе работает, они старые друзья. Может быть, Эля поссорилась не только с тобой, но и со своим хахалем и попросила Федю поехать с ней в Сочи, потому что никого другого было не найти. Отпуск у них общий, вот они вместе и поехали в Сочи.

— Ну зачем ты так — «с хахалем»?! — воскликнула с досадой мать.

А я уже привыкла так называть мужчин своей влюбливой сестрицы. К их поочередному появлению в ее жизни и последующему исчезновению я не могла относиться серьезно.

— Больше не буду, не злись, — пообещала я.

— Ты сама-то не злись, — уже спокойно сказала мать. — С Федей Эля тоже поссорилась. Потому она и была перед отъездом такой свехраздражительной. Что-то там между ними произошло, и эта их «Оказия» распалась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ПОТряСЕНИЯ.....	3
Часть 2. УДИВЛЕНИЯ	169
Часть 3. ИСПыТАНИЯ.....	294
Часть 4. ОТВЕТы.....	379
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.....	473